Митрополит Иларион: Давайте ставить такие памятники, которые будут способствовать консолидации нашего народа

2 ноября 2013 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ Ярослав Леонтьев.

Митрополит Иларион: Сегодня мы поговорим о государственном празднике – Дне народного единства. У меня в гостях доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ Ярослав Викторович Леонтьев.

Я. Леонтьев: Мы встретились, чтобы поговорить о достаточно новом празднике – Дне народного единства, который мы отмечаем с 4 ноября 2005 года. Он появился по инициативе Межрелигиозного совета, был принят нашими законодателями, и мне хотелось бы порассуждать о том, насколько он устоялся в общественном сознании. Ведь есть такая точка зрения, что этот праздник появился искусственно – чтобы заменить собой 7 ноября. Насколько полной была победа в праздник Казанской иконы? Ведь тогда, осенью 1612 года Смута не закончилась: была и попытка убить молодого, только что избранного царя Михаила, и поход королевича Владислава на Москву в 1618 году. И, как я однажды слышал от авторитетного церковного историка архимандрита Макария (Веретенникова), наши предки отмечали окончание Смуты обычно на Покров, потому что именно в октябре 1618 года русские войска вторично разбили войска королевича Владислава и гетмана Сагайдачного. Праздник во имя Казанской иконы Божией Матери отмечался Церковью, но все-таки до революции он не был широким светским праздником. Что Вы думаете по этому поводу?

Митрополит Иларион: Я не владею историческим материалом настолько хорошо, как Вы, но я хотел бы сказать немного о другом. Во-первых, этот праздник появился по инициативе Межрелигиозного совета России. Этот факт свидетельствует о том, что праздник востребован, что это праздник не только православного населения нашего страны, что это действительно День народного единства. В этот день свое духовное, национальное, культурное единство могут праздновать представители разных народов и разных конфессий. Окончание Смуты, которое традиционная историческая наука относит к 1612 году – несмотря на то, что какие-то конфликты, как Вы правильно сказали, продолжались и в последующие годы, – явилось огромным консолидирующим фактором. Ведь когда Михаил Романов стал царем (а это произошло в 1613

году), он бы мог начать с репрессий: кому-то головы отрубить, кого-то в ссылку отправить, – но он ничего этого не сделал. Он всех привлек к государственной службе – и главу ополчения князя Пожарского, которого он сделал боярином, и тех, кто сотрудничали с поляками. Все они получили возможность участвовать в общем деле созидания новой, освобожденной России. Именно в этом смысле День народного единства является тем днем, когда мы можем вспомнить одно из наиболее значимых событий нашей истории, имевшее консолидирующее значение для всего народа.

Я. Леонтьев: Действительно, новоизбранный царь, 16-летний Михаил Федорович Романов, и, конечно, его мудрое окружение объявили политическую амнистию. Ведь Смута, как считают сейчас многие историки, была, по сути дела, гражданской войной, и люди – вольно или невольно – оказывались по разные стороны баррикад. Можно говорить, что с окончанием Смуты наступило национальное примирение, но я не вполне уверен, что этот праздник укоренился в нашем сознании. Мне кажется, что огромное количество людей относится к нему нейтрально или индифферентно. Активное участие в праздновании Дня народного единства принимает православная общность – однако это не самая многочисленная часть нашего общества.

В Москве в этот день проходят выставки «Православная Русь» в Манеже. Мне приходилось бывать в разных городах России. Кое-где – в том числе в таких маленьких городах, как Суздаль и Калязин, – проводятся мероприятия с участием молодежи, школьников. Для Нижнего Новгорода это очень важный праздник, потому что там всегда существовал культ Минина и Пожарского. Но в то же время мы знаем, что в большинстве городов, увы, этот день пытаются оседлать радикальные националисты, проводящие «Русские марши». И у многих сам праздник 4 ноября вызывает ассоциации с этими неприятными уличными акциями. Мне кажется, надо что-то делать. Церковь, власть и общество должны скоординировать свои усилия для того, чтобы переломить сознание людей и наполнить этот день положительным содержанием.

Митрополит Иларион: Мы уже работаем в этом направлении: выставки «Православная Русь», которые мы проводим, конференции, приуроченные ко Дню народного единства, направлены на то, чтобы сделать для людей более доступными и понятными те события, которые сейчас кажутся далекими. Ведь для нашего старшего поколения Великая Отечественная война – это не какое-то событие, о котором они могли только в книгах прочитать. Это событие, в котором участвовали они сами, участвовали их родители, погибли их близкие. И конечно, не требуется каких-то особых усилий, чтобы напоминать людям о значимости Победы в 1945 году. Но когда прошло уже 400 лет, ситуация другая. Нет живой памяти о Смуте, нет сознания значимости ее преодоления, и для того, чтобы мы понимали, в чем смысл этого праздника для нашего народа, для всех народов, населяющих нашу страну, очень важно вновь и вновь обращаться к истории, историческим урокам, историческим личностям.

В этом смысле очень важным и значимым было открытие в этом году памятника священномученику Патриарху Гермогену – человеку, который занимал в годы Смуты бескомпромиссную позицию, который всей своей деятельностью, своими посланиями, которые он рассылал по всей России, своими проповедями способствовал консолидации нашего народа. Поляки заморили его голодом именно потому, что он не захотел пойти на компромисс со своей совестью, – он предпочел предательству голодную смерть. Это не просто церковный деятель – это национальный герой, символ нашего единства. Будучи главой Православной Церкви, он является национальным символом для представителей разных конфессий, потому что так же, как Минин и Пожарский, он встал на защиту Родины. Сейчас в Александровский сад, где установлен памятник святому Патриарху, приходят многие люди, в том числе молодежь, иностранцы. Наверное, не все эти люди знают, почему здесь поставлен памятник этому человеку. Кстати, почему он стоит именно там, а не на Красной площади рядом с Мининым и Пожарским, где он должен был быть установлен еще сто лет назад? Все эти вопросы требуют разъяснения, и здесь, как говорится, мяч на вашей стороне, потому что вы – историки. Ваше дело – рассказывать, в том числе студентам, о значимости таких событий и таких личностей.

Я. Леонтьев: Не могу не согласиться с Вами, что Святейший Патриарх Гермоген был символом для разных конфессий, для разных народов, входивших уже тогда в состав Московского государства. Сегодня – особенно в моменты обострения национальных отношений – очень важно напоминать, что в войсках князя Пожарского и Козьмы Минина наравне с русскими были казанские и касимовские татары, представители северокавказских народов – в частности большой клан князей Черкасских, родственников Романовых. (Князья Черкасские были потомками второй жены Ивана IV Марии Темрюковны, кабардинской княгини). Это очень важные моменты, которые нельзя отдавать на откуп радикальным националистам.

Что касается памятника в Александровском саду, у меня тоже есть один вопрос. Мне выпала честь участвовать в торжественном открытии памятника Патриарху. В тот момент в Александровском саду еще стояла революционная стела с именами различных деятелей общественной мысли, не только русской, но и мировой социалистической. Она оказалась прямо за спиной Патриарха Гермогена и летом этого года была демонтирована. Может быть, более удачным был старый план – поставить памятник Патриарху на Красной площади, рядом с Мининым и Пожарским, но, так или иначе, это осуществлено не было. Может быть, этот памятник не вписывался в какой-то градостроительный план. Наверное, и сейчас есть какие-то соображения на этот счет – я не архитектор, не градостроитель, и мне трудно судить. Но все-таки стелу в Александровском саду мне жалко. Может быть, ей надо было придумать какое-то другое место?

Митрополит Иларион: А если говорить о том, чем можно было бы заполнить пространство на Лубянской площади, так у нас есть немало исторических деятелей, которым нет памятников в Москве. Достаточно сказать о святом князе Владимире. В Москве нет ни одного памятника крестителю Руси кроме небольшого бюста в Даниловом монастыре.

Я. Леонтьев: Был еще такой исторический деятель, как замечательный русский полководец Михаил Скобелев – «белый генерал», как его называли. Памятник Скобелеву стоял на том месте, где сейчас статуя Юрия Долгорукого, но в советское время его отправили в переплавку. Может быть, есть смысл провести в той же Общественной палате слушания по этому вопросу?

Что касается Лубянской площади, то, наверное, Вы уже слышали о предложении вернуть туда памятник Дзержинскому, который сейчас находится в Парке скульптур у Центрального дома художника. Говорят, что ансамбль площади якобы теряется без Феликса Эдмундовича. Историк призван находиться там, где совершается история – хотя бы через установку и демонтаж памятников. По странному стечению обстоятельств я присутствовал не только на торжественном открытии памятника Патриарху Гермогену, но и на демонтаже памятника Дзержинскому в августе 1991-го. В тот момент, действительно, произошла революция – кстати, бескровная, «бархатная». Произошло изменение государственного режима, который затем привел к тяжелым последствиям – распаду Советского Союза. Но в тот момент памятник Дзержинскому был символом старого строя. Из истории мы знаем, что когда происходят такие коренные ломки, демонтируются памятники – символы старого режима. Ведь были же повсеместно демонтированы памятники Сталину. По моему глубокому убеждению, Дзержинский – в отличие от Патриарха Гермогена – едва ли может быть для нашего народа консолидирующей фигурой.

Митрополит Иларион: Я хорошо помню это событие – демонтаж памятника Дзержинскому. Думаю, сегодня среди нас осталось не так много людей, которые помнят, как этот памятник устанавливался, но демонтаж помнят все. Конечно, это был символ – символ того, что с нашей страны спали оковы государственного атеизма, что семьдесят лет гонений на Церковь закончились. Церковь вышла на свободу, а вместе с ней вышли на свободу все религиозные конфессии, свободу получил весь народ. И Железный Феликс, стоявший посреди Лубянской площади, ассоциировался именно с репрессиями – тем более, что он возглавлял первый карательный орган Советской власти, который уже при его жизни и непосредственном его участии осуществлял жесточайшие репрессии. Мы знаем, что красный террор осуществлялся именно под его руководством. Террор, унесший жизни десятков тысяч людей.

Я. Леонтьев: В том числе прославленных в лике святых Русской Православной Церковью.

Митрополит Иларион: Как мы можем почитать новомучеников и одновременно прославлять их

палачей? Это невозможно. Вы совершенно правы, что такой памятник не может быть национальным символом, консолидирующим символом. И когда сейчас говорят, что этот монумент – часть нашей истории, я бы на это ответил, что его демонтаж – тоже часть нашей истории. Причем очень дорогая часть нашей истории. Если бы сейчас такой памятник был восстановлен, это стало бы плевком в нашу недавнюю историю. И в таком случае я бы очень надеялся, что следующее поколение его вновь демонтирует. Только зачем нам нужно ставить такие памятники, какие придется демонтировать? Давайте ставить такие памятники, которые не будут ни у кого вызывать вопросов и сомнений, горечи и разочарования, которые будут способствовать столь необходимой сегодня консолидации нашего народа.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52075/